
В город пришла война.
В город ложатся мины.
В городе разорвало водопровод,
и течёт вода мутным потоком длинным,
и людская кровь, с ней смешиваясь,
течёт.

А Серёга – не воин и не герой.
Серёга обычный парень.
Просто делает свою работу, чинит
водопровод.
Под обстрелом, под жарким и душным
паром.
И вода, смешавшись с кровью, фонтаном
бьёт.

И, конечно, одна из мин
становится для него последней.
И Серёга встаёт, отряхиваясь от крови,
и идёт, и сияние у него по следу,
и от осколка дырочка у брови.

И Серёга приходит в рай – а куда ещё?
Тень с земли силуэт у него чернит.

И говорит он: «Господи, у тебя тут
течёт,
кровавый дождь отсюда течёт,
давай попробую починить».

Ну вот и еще одно лето растаяло на языке,
Растеклось мороженым по подбородку и по щекам,
И у подъезда старушка, одуванчик в ее руке
Отпускает свои семена туда, где не видно нам.

И нас стало меньше. Однако во дворе тополя -
Устремленные, как ракеты, в звездную высь.
И девочка с расцарапанными ногами, и глинистая земля,
И козырек подъезда выдается, как мыс.

И нас станет меньше, нас не станет совсем,
Но это неважно. Лето течет по щекам, не попадает в рот.
Солдатик идет домой, он с войны возвращается в семь,
И мама его обнимет и старого мишку найдет.

И заснет солдатик с мишкой под головой,
И мы заснем среди лета, янтарное ложе станет кровать.
Девчонка во дворе считает: первый, второй,
Выходи играть.

В небесном своем Простоквашино
небесный сидит Матроскин,
светло в избенке некрашеной,
по небу ползут полосы
красного-красного цвета
красного-красного детства.
Матроскин ест – вниз котлетой
бутерброд из августа месяца.
Вагон голубой, качаясь,
идет к облакам кудрявым,
И стебельки иван-чая
За ним не склоняются. Прямо

Стоят, облетая синим,
а в вагоне – там Чебурашка,
и ящики с апельсинами,
и папа в белой рубашке,
и мама, и кошка трехцветная,
и восьмидесятые рядом,
и мы, совершенно – летние
туда когда-нибудь сядем.

мертвый маяковский во сне говорит:
лиличка!, –
тяжело вздыхая, так, что рябь идет по земле,
и оживают деревья и автомобили – как
окопленные словом живым через толщу лет.

он идет, огромный и мертвый, по пробуждающейся столице,
он говорит: я видел ваш космос, на чёрта мне этот космос,
лиличка!

любовь это разноцветные птицы,
и черный бор, и неба седые космы.

но она остается холодна, нема и безгласна,
а он, огромный и шумный, размахивает руками,
потому что над словом живым даже смерть не властна,
хотя прочее кроет она, как бумага камень.

оседают клубочки поднявшейся серой пыли,
разбросав зеленые всходы ненаписанных, но рожденных строчек.
мертвый маяковский засыпает в своей могиле
до новой ночи.

так покупали чашки и тарелки,
как будто жить планировали вечно,
и синий газ грел турку на горелке,
и звездный свет тягучий тек и млечный.

так собирали коврики и шторы,
как будто в небе отменили войны,
как будто от готовки до уборки
не грянет гром и не накатят волны,

не смоеет эту старую квартиру
с зеленой сеткой – на лето – на окнах,
и в холодильнике пакет кефира –
окрошки для – и шляпка вот на локонах.

но этот дом – его поднимет ветер,
пятиэтажный дом поднимет ветер,
и понесет за горы и моря,
туда, где дом войну совсем не встретил,
и эти чашки были все не зря,

и будет жизнь задумчивой и длинной,
и солнечной, как листик на просвет.
а во дворе зеленом, тополином
у краешка воронки – их портрет.